

Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Новые полевые материалы¹

Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка в последний раз подвергался основательному исследованию Р. М. Баталовой в 1995 г. Экспедиция 2024 г. в район распространения диалекта позволяет обновить имеющиеся ареальные материалы, показать современное состояние и тенденции развития. Ведущие диалектные признаки: качественно-вокальное ударение, *и*-овая огласовка, приблизительно-местная падежная система – сохранились в языке носителей, но уже не являются повсеместными и часто встречающимися. Влияние оказывают соседний кудымкарско-иньвенский диалект и литературный язык. Диалект характеризуется активным выпадением или стяжением гласных и согласных звуков, что часто создает условия для прогрессивной ассимиляции гласных. Фонетические процессы приводят к значительным изменениям внешней «оболочки» слова – происходят фономорфологические изменения. Полевые материалы наглядно демонстрируют тенденции, близкие к явлениям редупликации. Чаще всего они характерны для наречий, имеющих в своем составе застывшие падежные суффиксы. Лексические диалектизмы часто являются русскими по своему происхождению.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, нижнеиньвенский диалект, фонетические и морфологические особенности диалекта, лексические диалектизмы.

Нижнеиньвенский диалект относится к южному наречию коми-пермяцкого языка, занимает юго-восточную часть территории Юсьвинского муниципального округа Пермского края. Наиболее крупными населенными пунктами, в которых функционирует названный диалект, являются Тимино, Купрос, Крохалево, Аксеново, Доег. Приведенные в данной статье материалы базируются на тиминском говоре нижнеиньвенского диалекта, которые были зафиксированы летом 2024 г.

Последнее основательное исследование по диалекту было выполнено Р. М. Баталовой в 1995 г. («Унифицированное описание диалектов уральских языков. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка»).

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-18-20015 «Коми-пермяки в этнокультурном пространстве Прикамья».

В последующие годы в район распространения диалекта Пермским государственным гуманитарно-педагогическим университетом было организовано три экспедиции, но материалы не нашли своего отражения в публикациях. Экспедиция 2024 г. в интересующий ареал позволяет обновить имеющиеся ареальные материалы, показать современное состояние и тенденции развития.

Кратко обозначим историю функционирования термина *нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка*. Продолжительное время ареал распространения так называемых в-зовых вариантов назывался *иньвенским* диалектом (таким термином обозначал диалектную речь Г. Нечаев (1931), этот термин фигурирует в кандидатской диссертации А. С. Кривошековой-Гантман (1951) и в последующих ее нескольких статьях (1958, 1962), этим наименованием воспользовались П. Кузнецов (1951), Е. Ботева (1961), В. Лыткин (1964)).

Пожалуй, впервые в работе В. И. Лыткина «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам» (1955) встречается термин *нижнеиньвенский*: «в составе южной диалектной группы можно выделить следующие говоры: оньковский, нижнеиньвенский, нердвинский и кудымкарско-иньвенский» [Лыткин 1955: 26]. Статус диалекта этот ареал получил в работах Р. М. Баталовой [Баталова 1975: 223–235; 1990: 5; 1995: 5; 1998: 14; 2002: 9 и др.]. К данной классификации и терминологии присоединилась и А. С. Кривошекова-Гантман [Кривошекова-Гантман, Ратегова 1980: 12]. С семидесятых годов прошлого столетия уже не было сомнений, что в южном наречии коми-пермяцкого языка выделяются два в-диалекта: кудымкарско-иньвенский и нижнеиньвенский, значительно отличающиеся друг от друга на всех уровнях языка. Два других диалекта южного наречия – оньковский и нердвинский (л-диалекты) – ни разу не сливались друг с другом, поскольку при первом с ними знакомстве выяснялось, что они представляют разные диалекты. К настоящему моменту, судя по всему, южное наречие коми-пермяцкого языка насчитывает уже только три диалекта: оньковский диалект, пожалуй, можно считать утраченным, поскольку не удастся обнаружить носителей этого диалекта.

Основными диалектными признаками нижнеиньвенского диалекта, отличающими его от кудымкарско-иньвенского диалекта, были: качественно-вокальное ударение, *и*-овая огласовка (рефлекс бывшего *э* закрытого (*ê*)), сформированная приблизительно-местная падежная система, лексические диалектизмы. Все эти фонетико-грамматические и лексические явления сохранились в языке носителей диалекта, но не являются активными и часто встречающимися. По всей вероятности, это можно объяснить влиянием соседнего, более крупного, кудымкарско-иньвенского диалекта и отчасти литературного языка.

Ударение. Качественно-вокальное ударение, «когда место ударения зависит от качества корневого гласного звука» [Баталова 1975: 90], характерно для языка коми-язьвинцев, нижеиньвенского и оньковского диалектов [Баталова 1975: 90], является очень важным и существенным признаком диалекта. Данный вид ударения даже на слух всегда выделял его от соседних диалектов, кудымкарско-иньвенского или нердвинского. Современные материалы по исследуемому диалекту показывают, что данный тип ударения постепенно уступает морфологизированному типу. Так, слова с корневыми гласными верхнего подъема *и*, *ы*, *у* в неодносложных словах, обычно не имеющими на себе ударения, довольно часто оказываются под ударением: вместо ожидаемого *кывви*¹ зафиксировано *кывви* «я об этом слышал». Подобными примерами являются: *вуджсё* вместо ожидаемого *вуджсё* «корня», *мунё* вместо ожидаемого *мунё* «он идет», *пукс'а* вместо ожидаемого *пукс'а* и др. Хотя примеры типа *вис'ны* (лит. морфолог. *висьны*) «болеть», *умёл'* (лит. морфолог. *умоль*) «плохой», *кывви* (лит. морфолог. *кывли*) «я иногда слышал», *кис'с'ёмас'* (лит. морфолог. *киссьёмась*) «рассыпались» и др. демонстрируют классический вариант качественно-вокального ударения. Морфологизированный тип ударения влияет не только на качественно-вокальное ударение, но его преимущества наблюдаются и в северных диалектах коми-пермяцкого языка, для которых была свойственна тенденция – ставить ударение на первом слоге (как и в коми-зырянском языке). Это говорит о том, что литературный вариант с морфологизированным ударением все-таки имеет влияние на ареальные говоры.

И-овая огласовка, как рефлекс былого э закрытого (ĕ). Коми-язьвинское наречие, нижеиньвенский и оньковский диалекты характеризуются еще одной общей чертой: они одинаково передают следы былого э закрытого (ĕ) – путем перехода звука э > и. Многочисленные примеры зафиксированы в работах В. И. Лыткина [Лыткин 1964: 130–140] и Р. М. Баталовой [Баталова 1982: 18]. Материалы, собранные летом 2024 г. на территории распространения нижеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка, показывают наличие этого явления: *иг мун* (лит. *эг мун*) «я не пошел», *вижкод'ёс'* (лит. *вежкодъось*) «желтоватые», *чирыс* (лит. *черыс*) «топор-то» и др. Однако местные жители повсеместно говорят *гэз* вместо ожидаемого *гиз* (лит. *гез*) «веревка», а отрицательные глаголы прошедшего очевидного времени *эг* «я не ...», *эгё* «мы не ...», *эн* «ты не ...», *эз* «он (она) не ...», *эзё* «они не ...» употребляются то в ожидаемой форме *иг* «я не ...», *ин* «ты не ...», *из* «он (она) не ...» и др., то в форме *эг* «я не ...», *эгё* «мы не ...», *эз* «он (она) не ...», *эзё* «они не ...» и др.

¹ Диалектный материал приводится в фонетической транскрипции, литературный вариант – в принятой национальной орфографии.

Диалектный материал демонстрирует, что следы былой исторической фонетической особенности сохранились в диалекте, но к сегодняшнему дню уже не являются единственными в своем употреблении.

Падежная система. Падежная система нижнеиньвенского диалекта, по мнению Р. М. Баталовой, выделялась интересными грамматическими формами, связанными с формированием и активным развитием внешне-местной и приблизительно-местной падежных систем (1975, 1982, 1998), когда серийные послелого с основами на *выл-*, *дын-* / *орд-* трансформировались и переходили в падежные показатели. Подобные явления характерны не только для коми-пермяцких диалектов, но и для ряда других родственных языков [Баталова 1982: 98]. Считаем, что переход серийных послелогов в падежные форманты является интересным грамматическим явлением, требующим внимания и наблюдения за интенсивностью его развития и ареалами его функционирования.

Относительно внешне-местной падежной системы следует сказать, что ее формирование в диалекте полностью завершилось, и так же, как и в соседнем кудымкарско-иньвенском диалекте, послелог с основой на *выв-* (лит. *выл-*) прекратил свое функционирование и перешел в падежный формант: внешне-местный переходный падеж *потшвöт'* (лит. *потш выlöт*) «по поверхности жерди», внешне-местный вступительный падеж *бородаквас вöт'öт* (лит. *бородак вылас вөтьöт*) «накапай на поверхность бородавки», *кэрквас кайöмас'* (лит. *керку вылас кайöмась*) «поднялись на дом» и др. Внешне-местная падежная система активно развивается и в северных диалектах коми-пермяцкого языка.

О формировании и развитии приблизительно-местной падежной системы в двух диалектах коми-пермяцкого языка – в нижнеиньвенском и оньковском – в своих научных работах писала Р. М. Баталова [1975: 138–141; 1982: 98–99; 1998: 33–34 и др.]. В результате разрушения серийных послелогов с основой на *дын-* / *орд-* (*дынын* > *дын*, *дынис'* > *дис'*, *дынö* > *дö*, *дынöдз* > *дöдз*, *дынöт* (*дынöт'*) > *дöт* (*дöт'*)) формируются новые падежные формы. Эти падежные форманты, по мнению исследователя, «широко употребляются с личными местоимениями, а также имеют тенденцию присоединяться к отдельным существительным: *миандöдз* < *миан дынöдз* “до нас”, *вöрдöдз* < *вөр дынöдз* “до леса”» [Баталова 1982: 98]. Заметим, что в коми-пермяцком языке повсеместно произошел переход послелога *дынын* в зн. «около» в форму *дын*, и обе грамматические формы (*дынын* и *дын*) уже являются литературной нормой, например, *пос дынын* и *пос дын* «около моста». Остальные падежные показатели – кроме обозначенных нижнеиньвенского и оньковского диалектов – не получили своего развития. После последнего изучения нижнеиньвенского диалекта было интересно наблюдать за состоянием приблизительно-местной падежной системы. Диалектные материалы

2024 г., зафиксированные в населенном пункте Тимино, демонстрируют, что приблизительно-местная падежная система в диалекте имеется: *миандын* (лит. *миан дынын*) *овис* «возле нас жил», *миандō воввō* (лит. *миан дынō вовлō*) в зн. «дойдите до нас, приходите к нам», тем не менее, она не получила активного развития и не стала ведущей грамматической формой: *пэл'эн'ишнōй кага дынōт'* (лит. *пеленкаын кага дынōт*) в зн. «около ребенка, который завернут в пеленку»). Стяженные формы серийного послелога с основой на *дын-* «около, возле» с именами существительными встречаются крайне редко.

О фонетических особенностях. В рамках одной статьи нет возможности остановиться на всех явлениях, характеризующих фонетическую составляющую диалекта. Остановимся лишь на отдельных моментах, демонстрирующих ярко выраженные тенденции и не подвергающиеся сомнениям фактам. Ожидаемо, что диалект характеризуется активным выпадением [в] в интервокальном положении (особенно перед [и], [ō], [а]) и в качественном его изменении в положении конца слова: *уджасис* (< *уджавис* < *уджалис*) «он (она) работал(а)», *с'этаа* (< *с'этава* < *с'этала*) «я раздаю», *уджав°* «работай», *с'этав°* «раздай» и т. д. Эта тенденция в в-диалектах давно замечена и описана [Баталова 1975: 28–40; Лобанова 2002: 20–22 и др.]. Звук [в] стал выпадать и из других позиций, например, он не замечен в составе наречия или послелога *увтас* (> диал. *утас*) «внизу, под»: *этадзи утас токо пуктышита* (лит. *этадз увтас только пуктышита*) в зн. «таким образом в нижнюю часть только быстренько положу», *кэрōс утас быдмō* (лит. *керōс увтас быдмō*) «под горой растет» и др. Этот же звук в диалекте может быть и вставочным: *йувō* (лит. *юō*) «он (она) пьет».

К числу фонетических явлений исследуемого диалекта следует отнести активную ассимиляцию гласных звуков (контактную и дистантную). Например: *ōктōнō* (лит. *ōктōны*) «они собирают», *с'ивōнō да йōктōнō* (лит. *сьылōны да йōктōны*) «поют и пляшут», *вис'таамас'* (< *вис'таōмас'* < *вис'тавōмас'* < *вис'талōмас'*) «они сказали», *туус'с'а* (< *туыс'с'а* < *тувыс'с'а* < *тулыс'с'а*) «весенний», *кōртоой* (< *кōртоōй* < *кōртовōй*) «железный» и др. Дистантная прогрессивная ассимиляция характерна для личных глагольных форм на *-ōны*; а контактная прогрессивная ассимиляция является вторичным явлением и последним этапом фонетических изменений в результате выпадения звука [в].

Из морфологических особенностей следует остановиться на особенностях употребления обстоятельственных наречий с компонентом *с'ан'-*. Производное местоименное наречие с компонентом *сэт-* (*сэт-чин* «там», *сэт-ч-ин-сянь* «оттуда», *сэт-ч-ō* «туда», *сэт-ч-ōдз* «до того места») в исследуемом диалекте знает особые фонетические варианты: *с'ан'ын* «там», *с'ан'с'ан'* «оттуда», *с'ан'ō* «туда», *с'ан'ōдз* «до того места»: *с'ан'ō пыран* и *каз'аан* (лит. *сэтчō пыран* и *казялан*) «туда зайдешь и уви-

дишь», *с'ан'өдз мун* (лит. *сэтчинөдз мун*) «до того места дойди» и др. Происходит выпадение корня слова, а его функции начинает выполнять падежный суффикс *-с'ан'* (отдалительный падеж). Параллельно с этим наблюдается наращение необходимого местного падежа. Компонент *с'ан'* встречается в речи и самостоятельно, без дополнительных компонентов, реализуя при этом семантику отдалительного падежа: *с'ан' войнаввас мунис* (лит. *сэтчинсянь война вылас мунис*) «оттуда на войну ушел». Данное явление практически не представлено в научных работах, представленных ранее. Не зафиксировано оно и в других коми-пермяцких диалектах.

О влиянии русского языка. Вполне ожидаемо наблюдается сильное воздействие со стороны русского языка на общенациональный словарный фонд носителей диалекта. Слова и выражения, типа *мал'эн'көй гал'каэз* (искон. *учот изоккез*) «маленькие гальки», *шиповн'ик* (искон. лит. *жельнөг*), *грибйавны* (искон. лит. *тишакъявны*) «собирать грибы», *ласкобай* (от рус. *ласково баять*) в зн. «ласково говорящий», *баклашка* «дикая клубника», *закрьл'и в триццатом году* (лит. *пöдналісö тридцатой годдэзö*) и др., позволяют судить о нескольких позициях; во-первых, наблюдается активное смещение исконных слов заимствованными лексемами *шиповн'ик* (вм. искон. лит. *жельнөг*); во-вторых, заимствуя русское слово, сохраняется исконное словообразование (*грибйавны*, где к русской корневой морфеме добавляется коми-пермяцкий отглагольный словообразовательный суффикс *-ав*); иногда при заимствовании сохраняется непривычный фонемный состав слова (*баклашка* «дикая клубника», в диалекте нет фонемы [л], а заимствованный лексический диалектизм его транслирует) и др.

Ареал распространения диалекта богат интересным лингвокультурологическим материалом. Предлагаем интересный контекст, связанный с похоронным обрядом. *Н'имвун вунö куёмсö озö дзэбö //* ... *вил'пас'көмö иг пас'тöтö / ос туй //* ... *көт' гывйышны коо вил'сö* (лит. *Нимлун лунö куёлмсö озö дзебö. ... Виль паськөмö эг пасьтöтö, оз туй. ... Көт' гывйышны колö вильсö*) «В день рождения нельзя мертвых хоронить. ... В новую одежду мы не стали одевать, нельзя. ... Хотя сполоснуть надо новую (одежду)». Однако тема, связанная с этнической культурой и языком, является уже отдельным исследованием.

Таким образом, нижеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка, обладая интересными ареальными явлениями и сохраняя выявленные ранее фонетико-грамматические особенности, характеризуется существенным влиянием со стороны соседнего кудымкарско-иньвенского диалекта и, возможно, литературных норм.

Внешняя «оболочка» слова меняется в силу активного выпадения звуков (как гласных, так и согласных), что приводит к изменению грамматической формы лексемы. Эти и другие диалектные особенности языка нижеиньвенцев нуждаются в детальном изучении.

Литература

- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 251 с.
- Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 167 с.
- Баталова Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М., 1990. 205 с.
- Баталова Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Москва–Гамбург, 1995. 197 с.
- Баталова Р. М. Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении: научный доклад, представленный в качестве дис. ... д. филол. наук. М., 1998. 70 с.
- Баталова Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Москва–Гронинген, 2002. 168 с.
- Ботева Е. В. Характеристика иньвенского диалекта и методика преподавания коми-пермяцкого языка в IV–VI классах: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1961. 14 с.
- Кривошекова-Гантман А. С. Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1951. 12 с.
- Кривошекова-Гантман А. С. О некоторых особенностях иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка // Ученые записки кафедры русского и иностранных языков (Пермский государственный педагогический институт). Вып. 17. Пермь, 1958. С. 123–140.
- Кривошекова-Гантман А. С. О переходе Л в В и чередовании В с нулем звука в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка // Вопросы финно-угорского языкознания. М.–Л., 1962. С. 212–218.
- Кривошекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. Коми-пермяцкие говоры: учеб. пособие. Пермь, 1980. 69 с.
- Кузнецов П. С. Судьба твердого л в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка // Сборник «Памяти академика Л. В. Щербы». Л., 1951. С. 188–190.
- Лобанова А. С. Коми-пермяцкая диалектология. Фономорфологические изменения в коми-пермяцких диалектах: учеб. пособие. Пермь, 2002. 65 с.
- Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955. 128 с.
- Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964. 270 с.
- Нечаев Г. А. Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. II. М., 1931. С. 14–32.